

UDC
75.01
+ 75.02
+ 7.046

Екатерина Резникова¹

¹ Государственный музей искусств Республики Казахстан имени Абылхана Кастеева
(Алматы, Казахстан)

Трансформация образа шамана в искусстве Казахстана

Аннотация

Исследование посвящено художественному осмыслению образа шамана на разных этапах становления профессиональной школы изобразительного искусства Казахстана. Доисламское прошлое Казахстана в его ритуалах, традициях, обрядах и повседневности быта казахов-кочевников становится объектом творческих интерпретаций художников нескольких поколений. Рассмотренный в статье ряд произведений, где шаман является центральным образом, показывает, что художники могут использовать самый разнообразный инструментарий и технологии – от живописного языка и техник прикладного искусства до экспериментальных художественных практик современного искусства, таких как акции и перформансы. Анализируются произведения Куаныша Есиркеева (живопись), Абдрашита Сыдыханова (живопись), Зейнелхана Мухамеджана (вышивка кесте), Молдакула Нарымбетова и группы «Кызыл трактор» (акции, перформансы, живопись). Вне зависимости от выбора вида искусства, художники представляют образ шамана во множестве трансформаций – художественных, стилистических, семантических, философских. Архетип далекого прошлого становится примером актуализации древнего культурного наследия в контексте современности.

Ключевые слова: шаман, кобыз, Коркыт ата, камлания, живопись Казахстана, вышивка кесте, перформанс.

Для цитирования: Резникова, Е. И. Трансформация образа шамана в искусстве Казахстана // Saryn. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 32–48.
– DOI: 10.59850/SARYN.2.11.2023.19.

Автор прочитал
и одобрил
окончательный
вариант рукописи
и заявляет
об отсутствии
конфликта
интересов.

Статья поступила
в редакцию: 03.03.2023

Одобрена после
рецензирования: 27.03.2023

Принята
к публикации: 30.03.2023

Введение. На всех этапах развития и существования профессиональной художественной школы в Казахстане мастера обращались к различным историческим и культурным источникам, часто используя символику древних цивилизаций и первобытных культур. Интенсивный поиск стилистик, созвучных мировой ситуации, в казахстанской культуре происходил в обращении к собственным историческим истокам. «Главной этнокультурной доминантой казахстанского общества является идея уникальности реликтовой экологическо-кочевой цивилизации, которая в своей традиционной неподвижности просуществовала на территории Казахстана практически в течение всего исторического периода вплоть до начала XX века. На протяжении последнего столетия она служила основополагающей характеристикой казахстанской идентичности» [Ибраева, с. 11].

В архаике художники видели и видят благодатный источник своего рода транслитераций для создания новых смыслов. Одни авторы выражают это через материалы и форму, другие используют семантику петроглифов и древних мифов, третьи – элементы древних ритуалов. В произведения активно включаются национально-этнические образы – степь, кочевничество, шаманизм, жертвоприношение и т. д. Духи природы, олицетворения ее сил и стихий, предстают в виде персонифицированных образов богини земли Умай и бога неба Тенгри, а также древних символов-архетипов, ставших основой казахского орнамента и при этом неизменно присутствующих в станковом искусстве. Основные универсалии тюркского менталитета неразрывно связаны с органичным ощущением природы. Тенгрианство часто рассматривают как основу национального самосознания казахов, не утратившего своей актуальности и сегодня. Камлающие шаманы, странствующие дервиши, древние суфии наполняют пространство искусства таинственным духом сакральности. Часто встречающийся мотив в художественных произведениях – казахские национальные музыкальные инструменты – также несет дополнительную смысловую нагрузку и философское наполнение. Он предстает как неотъемлемый атрибут легендарного Коркыта – певца-сказителя, повествующего о своем времени, о непреходящих человеческих ценностях. Объединив целительную силу звучания изобретенного им кобыза с мистериально-сакральными действиями камланий баксы, Коркыт возвел искусство в ранг духовных ценностей своих соплеменников-тенгрианцев.

Образ шамана и его главный атрибут кобыз становятся объектом художественного осмысления в изобразительном, прикладном и современном искусстве. Целью данной статьи является обзор ряда произведений казахстанских художников для выявления разнообразных трансформаций образа шамана – художественных, стилистических, культурологических, философских – при использовании разнообразного инструментария творческих практик.

Основные задачи исследования:

- рассмотреть многообразие творческих интерпретаций образа шамана в современном казахстанском арт-процессе;

- обозначить широкий творческий инструментарий и привлечение разнообразных художественных медиа для осмысления одного из аспектов древней культуры кочевников;
- на примере избранных произведений представить образ шамана как один из способов актуализации древнего культурного и исторического наследия, не утратившего своей актуальности и поныне.

Материалы и методы. В исследовании использован историко-культурологический анализ шаманства как неотъемлемой части древнего традиционного мировоззрения в номадической цивилизации. Метод художественного анализа и сравнительно-сопоставительный позволяют выявить характерные особенности в индивидуальном творческом прочтении и представить многообразие художественных, стилистических и философских трансформаций образа шамана посредством использования различных художественных медиа – в живописи, прикладном искусстве и contemporary art.

Материалом исследования стали выборочные тематические художественные произведения из коллекции Государственного музея искусств Республики Казахстан имени Абылхана Кастеева, частных собраний, а также экспериментальные художественные практики, непосредственным свидетелем которых является автор статьи.

Результаты. «В тенгрианской цивилизации Небо становится источником мировоззренческих, религиозных, духовно-нравственных ценностей. Особенностью тенгрианского мировоззрения выступает дуализм реального и духовного. Так, Небо-Тенгри единовременное выражает небо как природное явление и божество. Аналогично этому выступает двойственность объектов природы: местности, флоры и фауны, которые могут выступать и как представители реального Земного мира, и как сакральные представители Небесного мира» [Аязбеков, Аязбекова, с. 173]. Эта двойственность объектов природы и окружающего мира человека порождает анимизм и определяла сущностное значение многих мировоззрений древних, обуславливая необходимость посредничества между земным и небесным, духовным и физическим, человеческим и божественным. «В тенгрианском мировидении духовные ценности первостепенны – они выражают главные смыслообразы макро- и микрокосмоса кочевников» [Жуйкова, с. 40]. Шаман-целитель – посредник между мирами. Личность посредника, медиатора миров становится неотъемлемой частью древнего религиозного культа.

«Шаманство принято считать ранней формой религии, возникшей на определенном этапе анимистического мировоззрения. Мировоззрение шаманства основано на вере в необходимость посредников между людьми и духами, населяющими окружающий их мир» [Мустафина, с. 131]. По верованиям древних, камлающий шаман своими медитативными действиями призван исцелять или объединять реальное и ирреальное, прошлое, настоящее и будущее.

«Главная составляющая древней культуры тюрков – это обрядово-мифологический синкретизм, тесно переплетающийся с трудовой практикой народа и сопровождаемый заговорами, заклинаниями, величаниями, обращениями и т. д. Однако с течением времени из этого коллективного творческого комплекса постепенно выделялись наиболее одаренные и почитаемые личности, выполнявшие функцию инициатора и организатора обрядов. Древние колдуны и заклинатели мастерски подражали реву зверей и пению птиц, раскату грома и порыву ветра, “вызывая таинственные духи”. Такие способности этой группы представителей узкой специализации закрепляли их власть не только над природой, но и над самими людьми. Таким образом, в результате исполнения родоплеменным коллективом обрядов, праздников, ритуалов постепенно выделялась личность организатора и творца. Как правило, это был самый одаренный и почитаемый в племени человек, выполнявший функции вождя племени и жреца-шамана» [Газиев, с. 183]. В личности шамана подчеркивалась избранность, необходимость исполнения высшего предназначения, наделение его особыми качествами. В современной науке установилось определение: «Шаманы – это люди, причастные к сфере сакрального, что недоступно остальным членам сообщества» [Жуйкова, с. 43]. Деятельность шамана определялась различными функциями: он был целителем и лекарем, учителем и наставником, служителем культа и прорицателем, народным певцом и поэтом, обладая особыми психофизиологическими способностями (ясновидение, целительство и т. п.) и неординарным поэтико-образным мышлением. К его помощи обращались для проведения обряда успешной охоты, усмирения погоды, лечения больных, поиска пропавших животных. «Ритуалы камлания сопровождалось заклинаниями, заговорами, пением, пляской и игрой на музыкальных инструментах. Кроме того, они содержали элементы перевоплощения и театрализации. Традиции камов передавались из поколения в поколение, как правило, от отца к сыну. Древние верили в то, что камы обладали сверхъестественной, божественной силой, ниспосланной им с небес. Во время проведения обрядов они обязательно должны были войти в состояние экстаза» [Газиев, с. 185–186]. Достижению этого состояния немало способствовало использование музыкального инструмента, неотъемлемого спутника шаманских ритуалов – кобыза. «Вход в духовный мир шаману открывали содержащиеся в звучании кобыза инфразвуки, которые, будучи совмещенными со звуками высокой частоты, вызывали особые эмоциональные состояния» [Жуйкова, с. 43].

«Кобыз, возможно, был одним из ранних предков музыкальных инструментов мира. Будучи демиургом макрокосмоса, кобыз создает, поддерживает и сохраняет гармонию микрокосмоса. <...> Не случайно кобыз становится основным ритуальным средством деятельности шамана, поскольку этот инструмент помогал ему войти в состояние транса, концентрируя его на подсознательных ощущениях. <...> Кобыз – инструмент, функционально закрепленный за ритуальной практикой шаманов-баксы (впоследствии – у жырау), в процессе формирования эстетических представлений обладал магической функцией, направленной на сохранение здоровья и жизни человека» [Аязбекова, с. 200].

В степи издавна с трепетом и почтением относились к людям искусства, считая их избранниками духов, особенно к кобызши, людям, игравшим на кобызе, сакральном инструменте, как легендарный Коркыт ата – верховный шаман кочевников Великой степи и создатель первого струнно-смычкового инструмента, ставшего прообразом и первопредком инструментов данного типа. Общетюркский легендарный Коркыт – композитор IX века – был выходцем из степей у реки Сырдарья. «Будучи личностью средневековья, он не перестает привлекать внимание историков, географов, этнографов, культурологов, археологов, филологов, архитекторов, физиков и т. д. к значимости его вклада в традиционную культуру протоказахов» [Жуйкова, с. 41]. Все сюжеты, связанные с Коркытом, насыщены явлениями, наполненными особенными таинствами, – начиная от его загадочного появления на свет и до легендарного поиска бессмертия, которое ему удалось символически обрести, увековечив свое имя в звуках кобыза. «Он архетипичная личность, до сих пор всем известный во всем тюркском мире, в том числе и среди казахов. Знаменитый на всём тюркском пространстве мифов и легенд, казахской общественности образ Коркыта хорошо известен как святой, наставник всех баксы (шаманы), виртуозный кюйши (исполнитель музыкальных произведений на кобызе или домбре), как человек, искавший вечную жизнь» [Аймухамбет, с. 59].

В художественных произведениях шаман чаще всего предстает в образе белобородого старца, воплощающего мудрость, знание, опыт, с неизменно сопутствующим ему кобызом. Кобызшы в мужском и женском воплощении неоднократно возникают в живописных композициях Куаныша Есиркеева (р. 1947), художника из Караганды. «Уже в работах 1970-х годов художник пытается вывести изображаемое за пределы обыденности с помощью насыщенной гаммы зеленых и резкого (“кубистического”) подчеркивания рельефа формы» [Барманкулова, 1990, с. 37]. В картине «Звуки кобыза» (1973) величественный старик, слившийся воедино со своим инструментом, предстает в центре открытого степного пространства. Позади – запрокинувший голову гибнущий конь, пустой остов юрты с объатым пламенем шаныраком – священным символом казахского дома. Круг шанырака образует вокруг головы исполнителя некое подобие нимба как символа священности и страданий. Контрасты цвета, словно в отвесах огненных всполохов, в соединении с подчеркнута усиленной линией формы нагнетают драматизм происходящего действия. «Напряжение – цветовое, внутреннее картинное, духовное достигает высшей точки, передает накал и глубину переживаний» [Мукажанова, с. 100]. Музыкант и его инструмент становятся выразителями души народа, движимыми стремлением предвидеть и предотвратить трагический исход (см. рис. 1).

Другая одноименная работа, написанная художником в 1980-х годах, показывает момент столкновения-взаимопроникновения города и степи. В глубине открытой степной дали разворачивается геометрическая конструкция урбанистических строений, которой противопоставляется уже знакомый нам остов юрты с горящим шаныраком. Развернутый спиной к зрителю мужской торс трансформируется

Рис. 1. Есиркеев К. Звуки кобыза. 1973. Холст, масло. 140 x 124. ГМИ РК им. А. Кастеева

в опору для линий электропередач. Важным элементом картины является изображение двух кобызов как важных связующих между прошлым и настоящим, визуального воплощения сохранения национальных истоков в новых реалиях. «В конструировании этой картины видно влияние метафизических полотен Де Кирико. <...> В пейзажах Есиркеева приближен и рассмотрен изнутри тот самый город, который “В звуках кобыза” неестественной правильностью своих геометрических строений был противопоставлен умирающему, но все же прекрасному пространству степи» [Барманкулова, 1990, с. 38–40] (см. рис. 2).

Рис. 2. Есиркеев К. Звуки кобыза. 1980-е. Холст, масло. 82 x 124. ГМИ РК им. А. Кастеева

Абдрашит Сыдыханов принадлежит к поколению шестидесятников, чьи творческие установки были направлены на поиски нового изобразительного языка, определившего характер и специфику национальной живописной школы. Его картина «Степная мелодия» (1988) показывает образ играющего на кобызе музыканта с лежащей у его ног собакой, овечками у водоема и холмистым пространством вдали. Всё здесь пронизано ощущением гармонии и умиротворения, неразрывной связи человека, не мыслящего себя вне универсума, и природы как мировоззренческой константы казахов-кочевников. Сложная сумеречная серебристо-тональная гамма выражает символическое звучание кобыза с его выразительным многозвучием, вдохновленным звуками природы (см. рис. 3).

Рис. 3. Сыдыханов А.
Степная мелодия. 1988.
Холст, масло. 132 x 161.
ГМИ РК им. А. Кастеева

В 1989 году художественная, живописная и стилистическая манера Сыдыханова подвергается кардинальным изменениям. Художник уходит в знаковую живопись, основанную на казахских родовых знаках тамга (танба), стремясь найти сжатую изобразительную квинтэссенцию выражения идеи предмета или явления – *Знак Чабан, Символ Шолпан, Знак Буран*. «В своих картинах Сыдыханов стремится теперь упростить рисунок плоскостных форм, подчинить плоскости, сократить “рассказ”. <...> Каждая композиция – увлекательная попытка перевода знания и ощущения в сокращенное изображение» [Барманкулова, 2017, с. 49–50]. Именно в такой стилистике решен «Знак Коркыт-Ата» (1992) – упрощённое плоскостное изображение скачущего коня с восседающим на нем белобородым старцем, играющим на кобызе. Голова человека выполнена в виде креста в круге, поверхность черного фона заполняется однотонными сферическими плоскостями локальных цветов. Автору недостаточно только изменения живописного языка – в стремлении усилить рельеф, обогатить фактуру поверхности он вводит

в красочный слой пшено, добиваясь особой зернистой текстуры. «Отказываясь от иллюзий предметного мира, художник всё же напоминает о нем, вводя в живописное тесто разные его составляющие» [Барманкулова, 2011, с. 98] (см. рис. 4).

Рис. 4. Сыдыханов А.
Знак Коркыт-Ата. 1992.
Холст, масло. 124 x 128.
ГМИ РК им. А. Кастеева

«В стремлении объять все стороны народного бытия Сыдыханов пишет “Танец шамана” (1990). И хотя здесь при желании можно увидеть фигуру человека, главное кроется в динамике цветовых жестов, указывающих на стремительный и страстный танец, символизирующий трудный путь знахаря в страну духов и возвращение на землю, не всегда с благой вестью» [Барманкулова, 2017, с. 50]. В стремлении создать образ столкновением разных систем, пробивая оболочку формы, художник выходит в пространство символа. По сути, открытия знаковой живописи Сыдыханова в значительной мере повлияли на художественные поиски художников девяностых годов.

Совершенно иную, оригинальную индивидуальную трактовку осмысления традиционной культуры и, в частности, образа шамана дает Зейнелхан Мухамеджан – мастер прикладного искусства, возродившего технику казахской вышивки крючком кесте. Расширив и обогатив выразительные технологические возможности многовековой традиционной практики, он создал обширную галерею образов казахской кочевой цивилизации, соединив древнюю технологию со стилистическими приёмами западноевропейского модернизма. «Коркыт-Ата» представляет фронтальную фигуру сидящего старца, обращенного к зрителю.

Прижатый к сердцу кобыз слит воедино с творцом – общий монолит музыканта и инструмента усиливается общим подчеркнутым силуэтом из крупных стежков, сливающихся плоскостное изображение в единое целое. Пространство фона заполнено линейными изображениями знаков древности, словно заимствованных из сюжетов петроглифов, – геометрические, космогонический и зооморфные орнаменты – спирали и волны, стилизованная птица, муфлон, караван верблюдов, колесо, солярные символы. Все они наполняют эпическое повествование верховного шамана, сказителя и музыканта, пребывающего в пограничном состоянии диалога с потусторонними силами. Особым авторским приемом является включение в композицию фрагментов древних аутентичных казахских тускиизов – символических осколков-лоскутов прошлого, наполняющих каждое произведение особым смыслом. Исследователь Шайзада Тохтабаева определяет творчество З. Мухамеджана как вышивальную живопись, где «пространство полотна заполняется волнообразными объемными цветными модуляциями, передающими энергию движения. Эти модуляции автор наполняет особым смыслом, переводя их в аспект аллегории, отображающей текущее время. <...> В итоге каждая линия, цветовой стежок полотна направлены на визуальное воссоздание момента духовного самоуглубления казахского *бақсы*, вступающего в связь с потусторонними силами. В целом произведение, выражая философию о взаимосвязанности бытия-небытия, словно пронизано дыханием вечности» [Тохтабаева, с. 23] (см. рис. 5).

Рис. 5. Мухамеджан З.
Коркыт-Ата. 1999. Х/б ткань,
шелковые нити, вышивка.
ГМИ РК им. А. Кастеева

В contemporary art Казахстана шаманские практики становятся обширным полем художественного осмысления. «Поиск связей архаико-мифологических и постмодернистских начал развивается на основе использования не только историко-археологического, но и живого фольклорного материала» [Ибраева, с. 90]. Наиболее планомерное развитие эта тема получает в творчестве шымкентской группы «Кызыл трактор», которая в обращении к шаманским практикам в своих объектах и перформансах использовала реальные ритуалы, костюмы и музыкальные инструменты. «По сути, своей деятельностью “Кызыл трактор” инициирует новое стилевое образование, получившее название “трансавангардный шаманизм”, который, наряду с другими художественными формациями этого периода, становится региональным проявлением западного поставангарда. Пройдя азбуку европейского искусства конца XIX – начала XX века и далее (под руководством Виталия Симакова), они стремились найти возможность ассимилировать авангардные приемы западного искусства с традиционными установками восточного. Ключевыми образами становятся либо кочующий дервиш, чье существование направлено на поиски истины и гармонии, либо камлающий шаман, своими медитативными действиями призванный исцелять или объединять реальное и ирреальное, прошлое, настоящее и будущее» [Резникова, с. 21]. Молдакул Нарымбетов становится центральной фигурой группы. В рамках собственной концепции через соединение этнокультурной традиции с постмодернистскими формами хэппенинга и перформанса он продолжает планомерно разрабатывать образ шамана-баксы.

Использование в перформансах элементов шаманских ритуалов не было механической визуализацией сакрального действия с целью привлечь внимание и вызвать интерес к туземным местным обрядам. Молдакул утверждал аутентичность священнодействия, которое включало в себя различные элементы – танцы, горловое пение, игру на рукотворных, созданных им самим традиционных музыкальных инструментах. Во время перформанса Молдакул выплескивал такой мощный поток энергии, что нередко после подобных манипуляций он физически заболел. Считается, что он был потомственным баксы, так что способности лечить и проводить сакральные ритуалы были свойственны ему генетически. Интеллектуальное осознанное творческое начало в контексте языка современного искусства удивительным образом соединилось с интуитивной силой.

В 2002 году состоялся перформанс «Восток – Запад», ставший наглядным примером включения в театрализованное действие элементов древних языческих ритуалов. «Перформанс “Восток – Запад” построен на пластике танца – звука – ритма. На огромном “шаманском” барабане закреплена вздыбленная вверх струнная рама старого концертного рояля. Художник в танце приближается к этой языческой арфе и бьет барабанную дробь, которая находит отклик в звуках рояля. Созвучие двух инструментов переходит в нарастающий органнй аккорд» [Филатов, с. 24–25] (см. рис. 6).

Рис. 6. Нарымбетов М.
Восток – Запад. 2002.
Перформанс. Галерея
«Тенгри-Умай», Алматы

Заключение. Таким образом, результаты проведенного исследования наглядно показывают неизменный интерес художников Казахстана XX–XXI вв. к образу шамана (баксы) и Коркыта как объекта творческого осмысления в самых разнообразных видах искусства – в традиционных изобразительном и прикладном, а также в экспериментальных художественных практиках contemporary art. Многообразные трактовки образа далекой современности не утрачивают своей актуальности сегодня. Представленные примеры показывают неограниченную вариативность в использовании художественных материалов и технологий – от привычных форм живописи и традиционного прикладного искусства (вышивки кесте) до возрождения в экспериментальных практиках contemporary art шаманских ритуалов в виде художественного жеста. Широта спектра авторских стилистик представляет шамана в разных интерпретациях. В драматическом ключе это образ прорицателя, способного предвидеть неотвратимость грядущей трагедии (Есиркеев). Пример обращения к собственным национальным истокам и их осмысление посредством живописных поисков (Сыдыханов). Торжественная и возвышенная трактовка шамана в полисемантическом окружении знаков-архетипов тюркской цивилизации (Мухамеджан). Шаманский ритуал в акциях и перформансах как способ самопогружения в доисламское прошлое в поисках национальной самоидентичности как основной парадигмы, определяющей специфику contemporary art Казахстана (Нарымбетов).

Очевидно, что вне зависимости от выбора художественного языка образ далекого прошлого, выражающий верования доисламского прошлого казахов, основанные на тенгрианском мировоззрении, получает в искусстве широкий спектр интерпретаций – стилистических, сюжетных, смысловых, технико-технологических, философских. Основной линией трактовки образа является представление шамана (Коркыта) как знаковой величины традиционной казахской культуры в художественном синтезе прошлого с настоящим. Художественный образ шамана является зримым воплощением древнего ритуального мышления, символом вечности и вневременности, обладает лаконичностью формы и глубиной содержания и неизменно указывает на принадлежность восточному региону. Многочленные художественные трансформации образа шамана являются наглядным примером актуализации древнего культурного наследия казахов в контексте современности.

Список источников

- 100 шедевров искусства Казахстана. Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева. Куаныш Есиркеев (текст К. Мукажановой). – Алматы: [б. и.], 2022. – 240 с.
- Аймухамбет, Ж. А. Коркыт ата в казахском фольклоре и литературе // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 5–3(26). – С. 59–63.
- Аязбеков, С. А., Аязбекова, С. Ш. Культура и искусство Великой степи: цивилизационный контекст. – Нур-Султан: АСТ Полиграф, 2021. – 392 с. (Серия «Цивилизации и искусство Великой степи»).
- Аязбекова, С. Ш. Картина мира этноса: Коркыт-ата и философия музыки казахов. – 3-е изд. – Нур-Султан: АСТ Полиграф, 2021. – 282 с.
- Барманкулова, Б. К. Абдрашит Сыдыханов: Каталог выставки к 80-летию художника. Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева. – Алматы: [б. и.], 2017. – 108 с.
- Барманкулова, Б. К. История искусств Казахстана. В 3-х т. (русский). – Алматы: Онер, 2011. – Том 3: Живопись. Графика. Скульптура. – 192 с.
- Барманкулова, Б. К. Художник из Караганды Куаныш Есиркеев // Искусство: Ежемесячный журнал Министерства культуры СССР, Союза художников СССР, Академии художеств СССР. – 1990. – № 9. – С. 37–40.
- Газиев, И. М. Зарождение профессионализма в музыкальной культуре древних тюрок // Вестник ЧГПУ. – 2008. – № 12. – С. 179–194.
- Жуйкова, Л. А. Балетный спектакль Дамира Уразымбетова «Странствия Коркыта» в контексте диалога культур // Central Asian Journal of Art Studies. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 40–55. – DOI: 10.47940/cajas.v5i4.285.
- Ибраева, В. В. Искусство Казахстана: Постсоветский период. – Алматы: Тонкая грань, 2014. – 144 с.
- Мустафина, Р. М. Представления, культы и обряды у казахов. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 176 с.
- Резникова, Е. И. Молдакул Нарымбетов: Каталог выставки (вступительная статья). – Алматы: [б. и.], 2013. – 120 с.
- Тохтабаева, Ш. Ж. Этнодернизм в знаковой вышивке Зейналхана и Ботакос Мухаметжан. – Алматы: ТОО «LA GR CE», 2020. – 32 с.
- Филатов, В. А. Молдакул Наримбетов. Восток – Запад. 2002. Перформанс / Международный художественный фестиваль Тенгри-Умай «Открытый город»: Каталог. – Алматы: [б. и.], 2002. – 270 с.

References

- 100 shedevrov iskusstva Kazakhstana [*orig. Russian: 100 Masterpieces of Kazakhstani Art*] – Almaty: Abilkhan Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan, 2022. – 240 p.
- Ayazbekov, S. A.; Ayazbekova S. Sh. Kultura i iskusstvo Velikoy stepi: tsivilizatsionnyy kontekst [*orig. Russian: Culture and Art of the Great Steppe: A Civilizational Context*]. – Nur-Sultan: AST Polygraph, 2021. – 392 p.
- Ayazbekova, S. Sh. Korkut-ata i filosofiya muzyki kazakhov: Kartina mira etnosa [*orig. Russian: Korkut-Ata and the Philosophy of Kazakh Music: A Picture of the World of the Ethnos*]. – Nur-Sultan: AST polygraph, 2021. – 282 p.
- Aymukhambet, Zh. A. Korkyt Ata v kazakhskom folklore i literature [*orig. Russian: The Image of Korkyt Ata in Kazakh Folklore and Literature*] // Eurasian Union of Scientists. – 2016. – No. 5–3(26). – PP. 59–63.
- Barmankulova, B. K. Abdrashit Sydykhanov: Katalog vystavki k 80-letiyu khudozhnika [*orig. Russian: Abdrashit Sydykhanov: Exhibition Catalog for the 80th Anniversary of the Artist*]. – Almaty: Abilkhan Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan, 2017. – 108 p.
- Barmankulova, B. K. Istoriya iskusstv Kazakhstana. V 3-kh tomakh [*orig. Russian: History of Kazakhstan Arts. In 3 Volumes*]. – Almaty: Oner, 2011. – Volume 3: Painting. Graphics. Sculpture. – 192 p.
- Barmankulova, B. K. Khudozhnik iz Karagandy Kuanysh Yesirkeyev [*orig. Russian: Artist from Karaganda Kuanysh Yessirkeyev*] // Monthly Magazine of the Ministry of Culture of the USSR, the Union of Artists of the USSR, the Academy of Arts of the USSR. – 1990. – No. 9. – PP. 37–40.
- Filatov, V. A. Moldakul Narimbetov. Vostok – Zapad. 2002. Performans / Mezhdunarodnyy khudozhestvennyy festival Tengri-Umay “Otkrytyy gorod”: Katalog [*orig. Russian: Moldakul Narimbetov. East – West. 2002. Performance / International Art Festival Tengri-Umai Open City*]. – Almaty: 2002. – 270 p.
- Gaziyev, I. M. Zarozhdeniye professionalizma v muzykalnoy kulture drevnikh tyurkov [*orig. Russian: Origin of Professionalism in Musical Culture of Ancient Turkis*] // Bulletin of South-Ural State Humanities-Pedagogical University. – 2008. – No. 12. – PP. 179–194.
- Ibrayeva, V. V. Iskusstvo Kazakhstana: Postsovetkiy period [*orig. Russian: The Art of Kazakhstan: The Post-soviet Period*] / Valeria Ibrayeva. – Almaty: Tonkaya gran, 2014. – 144 p.
- Mustafina, R. M. Predstavleniya, kul'ty i obryady u kazakhov [*orig. Russian: Representations, Cults and Rituals among the Kazakhs*]. – Alma-Ata: Kazakh University, 1992. – 176 p.
- Reznikova, Ye. I. Moldakul Narymbetov: Katalog vystavki (vstupitel'naya statya) [*orig. Russian: Moldakul Narymbetov: Exhibition Catalog (Introductory Article)*]. – Almaty: 2013. – 120 p.
- Tokhtabayeva, Sh. Zh. Etnomodernizm v vyshivalnoy zhivopisi Zeynalkhan i Botakoz Mukhametzhan [*orig. Russian: Ethno Modernism in Embroidery Painting Zeynalkhan and Botakoz Mukhametzhan*]. – Alma-Ata: LA GR CE, 2020. – 32 p.
- Zhuikova, L. A. Baletnyy spektakl Damira Urazymbetova “Stranstviya Korkyta” v kontekste dialoga kultur [*orig. Russian: Ballet Performance Korkyt’s Wanderings by Damir Urazymbetov in the Context of a Dialogue of Cultures*] // Central Asian Journal of Art Studies. – 2020. – Vol. 5. – No. 4. – P. 40–55. – DOI 10.47940/cajas.v5i4.285.

Екатерина Резникова

Ә. Қастеев атындағы Қазақстан Республикасы Мемлекеттік өнер мұражайы
(Алматы, Қазақстан)

Қазақстан өнеріндегі бақсы бейнесін өзгерту

Аңдатпа

Бұл зерттеу Қазақстанда бейнелеу өнерінің кәсіби мектебінің қалыптасуының әртүрлі кезеңдеріндегі бақсы бейнесін көркемдік тұрғыдан түсінуге арналған. Қазақстанның исламға дейінгі өмірі оның рәсімдері мен салт-дәстүрлерінде және көшпелі қазақтардың күнделікті өмірі суретшілердің кейінгі ұрпаққа қалдырған шығармашылық түсіндірмелерінің объектісіне айналды. Мақалада қарастырылған бақсы негізгі бейне болып табылатын бірқатар туындылар суретшілердің кескіндеме тілі мен қолданбалы өнер техникасынан бастап акциялар мен перформанстар сияқты заманауи өнердің эксперименттік көркемдік тәжірибесіне дейін әртүрлі құралдар мен технологияларды пайдалана алатынын көрсетеді. Қуаныш Есіркеевтің (кескіндеме), Әбдірашит Сыдыхановтың (кескіндеме), Зейнелхан Мұхамеджанның (кестені кестелеу), Молдақұл Нарымбетовтың және «Қызыл трактор» тобының (акциялар, спектакльдер, кескіндеме) туындылары талданады. Өнер түрін таңдауға қарамастан, суретшілер бақсының бейнесін көптеген – көркемдік, стилистикалық, семантикалық, философиялық түрлендірулерге ұсынады. Алыс өткеннің архетипі ежелгі мәдени мұраны қазіргі заман контекстінде өзектендірудің мысалы бола алады.

Тірек сөздер: бақсы, қобыз, Қорқыт Ата, бақсылық, Қазақстанның кескіндемесі, кестені кестелеу, орындаушылық өнер.

Дәйексөз үшін: Резникова, Е. И. Қазақстан өнеріндегі бақсы бейнесін өзгерту // Saryn. – 2023. – Т. 11. – № 2. – 32–48 б. – DOI: 10.59850/SARYN.2.11.2023.19.

Мақала редакцияға
түсті: 03.03.2023

Рецензиядан кейін
мақұлданған: 27.03.2023

Жариялауға
қабылданды: 30.03.2023

Автор
қолжазбаның
соңғы нұсқасын
оқып құптады
және мүдделер
қақтығысының
жоқ екендігін
мәлімдейді.

Yekaterina Reznikova

Abilkhan Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Transformation of the Shaman Image in the Art of Kazakhstan

Abstract

This research delves into the artistic comprehension of the shaman image across different stages of evolution in Kazakhstan's professional school of fine arts. Over several generations, artists have offered their creative interpretations of the nation's pre-Islamic past, encompassing its rituals, traditions, ceremonies and the everyday life of the Kazakh nomadic communities. This article examines several artworks featuring shamans as central figures, created using a wide array of artistic tools and techniques, from traditional painting and crafts of applied arts to experimental forms of contemporary art such as actions and performances. These include works by Kuanysh Yessirkeyev (painting), Abdrashit Sydykhanov (painting), Zeynelkhan Mukhamedzhan (keste embroidery), Moldakul Narymbetov and the Kyzyl Tractor group (actions, performances and painting). Regardless of the art form, these artists portray the shaman in diverse transformations in terms of artistic style, semantic meaning and philosophical interpretation. This archetype from the distant past exemplifies how cultural heritage regains its relevance today.

Keywords: shaman, qobyz, Qorqyt-Ata, shamanistic rituals, Kazakhstan's paintings, keste embroidery, performance.

Cite: Reznikova, Ye. I. Transformation of the Shaman Image in the Art of Kazakhstan // Saryn. – 2023. – Vol. 11. – No 2. – PP. 32–48 – DOI: 10.59850/SARYN.2.11.2023.19.

Received: 03.03.2023

Revised: 27.03.2023

Accepted: 30.03.2023

Author has read and approved the final version of the manuscript and declares that there is no conflict of interests.

Автор туралы мәлімет:

Екатерина Ильинична Резникова – өнертану кандидаты, Ә. Қастеев атындағы Қазақстан Республикасы Мемлекеттік өнер мұражайының ғылыми хатшысы, Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері (Алматы, Қазақстан)

ORCID ID: 0000-0001-7928-5982

email: reznikat@yandex.ru

Сведения об авторе:

Екатерина Ильинична Резникова – кандидат искусствоведения, ученый секретарь Государственного музея искусств Республики Казахстан имени Абылхана Кастеева, заслуженный деятель Казахстана (Алматы, Казахстан)

ORCID ID: 0000-0001-7928-5982

email: reznikat@yandex.ru

Author's bio:

Yekaterina I. Reznikova – PhD in Arts, Academic Secretary, Abilkhan Kasteyev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan, Honored Worker of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

ORCID ID: 0000-0001-7928-5982

email: reznikat@yandex.ru